

18+

ТЕНИ

ПАВЕЛ НЕФЕДОВ

Павел Нефедов

Тени

«Издательские решения»

Нефедов П.

Тени / П. Нефедов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-512084-7

Как часто нам кажется, что мы чья-то тень. Или более того, маленькая тень от целого и огромного мира. Существует ли мир теней, или же он только обратная сторона света? Тени — это отдельные сущности, или это мы? На эти вопросы сможет ответить лишь тот, кто смотрит сквозь все миры.

ISBN 978-5-00-512084-7

© Нефедов П.
© Издательские решения

Содержание

Тени. Павел Нефедов	6
Тени	7
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Тени

Павел Нефедов

© Павел Нефедов, 2025

ISBN 978-5-0051-2084-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Тени. Павел Нефедов

Тени

Черные, как сажа дождевые тучи свисали над небольшим прудиком. Вишневый раскат молний разрывал небо пополам. Половинки несли в себе беспросветную мглу. Аккуратненький пруд помещался в саду у дома. Его границы из-за теней туч были не видны. Он сливался с землей и мрачным небом. Лишь отблески молний выдавали его зеркально-водную поверхность...

Я сидел за столом, в привычной для себя позе безделья. Мои глаза пялились в небольшое настольное зеркальце, которое отражало окно. В единственный проем окружающего мира. Согнувшаяся, как старая ветвь, спина давно вросла в мой стан полукругом. Отказавшись от мирских утех, я стремился познать свет своей души. Что взбрело в мою беспокойную голову, никто не знал. Я и сам не понимал, почему вошел в стадию одиночества.

Я жил обычной жизнью, выполняя все пункты человеческой жизнедеятельности. Учился, работал, отдыхал. Общался с семьей, друзьями. Мечтал о большем, заполучив меньшее. Мне нравилось шаг за шагом идти к новой покупке. Да я и не знал иной жизни, кроме, как желание обогащаться. Появлялись деньги, и я тут же испытывал счастье. Я боялся заглядывать вперед своих меркантильных мыслей. Фантазия являлась единственным творчеством для меня. И здесь я ограничивался только новыми покупками.

Мир так был устроен. Он говорил, что что-то там нельзя купить. Но на деле все обстояло по-другому. Связь с богом и всепрощение можно было оплатить в церкви. Здоровье покупалось в больницах и аптеках. Болезнь в книгах, экранных новостях, и через уста людей. Даже чувства возникали под шелест купюр. За рождение нужно было платить. Да и в последний путь без наличных никто не рыл яму.

Не знаю, когда я успел насытиться всем этим, но я устал шагать вперед. Идущих со мной рядом, было слишком много. Глаза, как магнит, смотрели наружу, видя при этом, только меня. Я покупал ботинки, и сливался с толпой одинаковой обуви. Выезжал из автосалона, и меня обгоняли точно такие же автомобили. Покупал квартиру в новостройке, а по соседству строились коробки близнецы. Оформил на себя продакшн-студию, и оказался на полке многочисленного вторсырья.

Всегда все уравнивалось. И более того, обычно, приходилось все начинать сначала. Стараться, расти, достигать. И эта странная усталость. Она внезапно возникала, когда глаза видели однотипность достижений. Глупый мозг часто говорил, что над каждым богатым начальником есть другой, более главный, и более успешный. Корона всевластия никогда не садилась на голову больше одного дня. А день длился в течении вдоха и выдоха.

Все произошло очень быстро. Нежелание расти дальше помогло распрощаться с прибыльной работой. Киношники, живущие только рублем, заставили продать студию. Наступила эра телевизора и еды. Полгода, исчезла квартира. Три месяца, растворилась машина. Год, сбежала жена.

Я переехал в старенький родительский домик с небольшим заросшим участком. Единственное, что восхищало в этом месте, это память, и небольшой прудик. Водоем был девочкой. Милой и красивой топ-моделью.

– Как эта водная стихия тут выживает? – Всегда думал я. – И не просто выживает, а живет полной и счастливой жизнью!

Пруд никто не обслуживал, и при этом, он смотрелся, как с картинки. Всегда чистая и сладкая вода, изящная и сочная зелень, скромно растущая у берегов, не имеющая наглости, залезать внутрь пруда.

Мне всегда хотелось искупаться в нем. Но я боялся. Проверая дно, палка любой длинны никогда не нащупывала тверди. Да и так все было понятно, чистая и прозрачная вода, а пруд утаскивал взор в чернеющую глубину.

Когда я на него смотрел, то в определенный миг всегда ужасался, в нем словно гуляли тени. Они были живыми, и издавали скрипучие голоса. Тело покрывалось мурашками без купания. Чьи-то звуки всегда просили меня окунуться, но на этом все заканчивалось. Я быстро отворачивался и уходил в дом.

Возле окна спальни стоял стол, моя небольшая мастерская. У меня не было книг, телевизора, смартфона. Я со всем распрощался в прошлой жизни. Пытаясь найти себя, я бросался во все увлечения сразу, стараясь делать хоть что-то по чуть-чуть. Писать, рисовать, мастерить из дерева поделки. Возможно, это не было творчеством. Я просто-напросто убивал время своей жизни. И оно, как назло, не кончалось.

Я был неумолимым трусом. Меня утешало все, что нельзя было постигнуть. Даже любовь я считал исчадием ада. Она всегда ходила передо мной в парандже. Вроде бы рядом, но так далеко и непонятно.

Пруд не был исключением. Его безграничная глубина цвета маслин пленила меня. Всегда нежно притягивала, и одновременно, сильно отталкивала. Это можно было сравнивать с сахарным поцелуем в момент кровавой порки.

Я решил подглядывать за прудиком, раз не мог пристально наблюдать. Установил небольшое зеркальце на столе. Под определенным углом я умудрялся через него смотреть на двор. Именно на ту его часть, где был пруд. Отражение не сулило ничего страшного. Оно напоминало мне монитор. Словно кто-то участвует в действии, но только не я. Я лишь смотрел, не имея точной реальности.

В ту самую первую ночь, когда я решился увидеть пруд в темноте, была гроза. Она игралась с моим воображением. И мне захотелось увидеть раскаты в отражении воды. Я создал некий портал впечатлений, обезопасив свое трусливое сердце. Зеркало в зеркале, отражение в отражении. Далекое и спокойно.

Черные, как сажа дождевые тучи свисали над небольшим прудиком. Вишневый раскат молний разрывал небо пополам. Половинки несли в себе беспросветную мглу. Границы пруда из-за теней туч были не видны. Он сливался с землей и мрачным небом. Лишь отблески молний выдавали его зеркально-водную поверхность.

Я приклеил глаза к зеркалу, установив зрачки в центре пруда. Молния начинала свой разбег именно с середины. И заканчивалась у края зеркала. Я обрезал пруд, потому что мне не интересны были его берега. Меня притягивала его черная глубина. И эта ночь способствовала тому, чтобы сделать ее еще дальше и глубже. Выкинуть за пределы разумного существования.

Отражение моих черных зрачков встало напротив отражения черного пруда, которое в свою очередь, отражало черное небо. Все синхронно встало друг за другом. На мгновение, глубины, глаз, пруда, неба, слились воедино. Подобный мрак пронизывал мое сердце насквозь, не затрагивая разумный страх. Я тонул, но не умирал. Падал, но не испытывал боль. Не дышал, но не задыхался.

Тело тряслось от напряжения. Я не ведал источника подобной мощи, но понимал, что переступил грань дозволенного. Казалось, что глаз уже не оторвать. И было не понятно, как они приклеились. Визуально, как соколиный взор на жертву. Или телесно, как грязная жвачка к несчастной древесине учебной парты. Три картинка в одной. Одна дополняла другую. Небо, пруд, глаза. А между ними тонкая грань отражения.

Я мог фокусироваться на каждом слое по отдельности, и наблюдать всю проекцию целиком. Не понимая, где начинается глубина взора, а где заканчивается, я стал следить с самого начала. Закрыв глаза. Открыл, и тут же очутился на дне своих глаз.

– Как так получилось? – Прошептал я. – Из глаз в глаза?

Дикий ужас посетил меня. Я смотрел в омут озера, но видел зрачки своих глаз. И теперь они отражали раскаты молний.

Передо мной были глаза из преисподней. Мрачные, суровые, они сверкали своим укором. Освещая всю комнату. То ли зеркало отражало отражение молний в глазах. То ли сама комната наполнялась светом небесного электричества.

Я отвел взгляд. Закрыв веки, и расслабился. С закрытыми глазами стало еще хуже. Отпечаток света еще долго мелькал стробоскопом. Я открыл глаза, и уставился на самую темную часть комнаты. Взгляд смог успокоиться.

– Не может быть! – Ужаснулся я. – Комната абсолютно черна.

Я набрался мужества и посмотрел в зеркало. Комната засверкала. Рука не выдержала и швырнула зеркало на пол. Комната погрузилась во тьму.

Молния сверкала с другой части дома. Небо не освещалось. Поэтому комната оставалась во тьме. Но пруд каким-то образом ловил собой раскат. В его отражении четко виднелось кратковременное свечение. При этом он не отражал свет внутрь комнаты, теряя его где-то за окном. Но, как только я смотрел на пруд через зеркало, появлялся невидимый путь молнии. В этом случае небесное электричество освещало всю комнату.

– Я проводник? – Спросил я себя. – Через несколько слоев темной глубины зеркал, я создаю свечение. Странно, и непонятно. И неловко пугающе.

Я включил свет, отыскал зеркало. И подошел снова к выключателю. Я начал давить пальцем. И в момент щелчка, на грани выключения света, по комнате пробежала тень. Этот момент взорвался у меня в голове.

Мелькнувшая тень, после выключения света, превратилась в черную комнату. Будто бы на меня напало чудовище из мрака. Я аж загнулся и упал на спину.

Тишина. Мрак.

Я провалялся в неподвижном состоянии около получаса. Тело отказывалось двигаться. А мозг спрятался за черепашкой и не хотел работать, он дрожал, как земля во время землетрясения. Тень бродила в моем воображении, хотя темнота комнаты была неизменной.

Наконец я обрел внутренние силы и поднялся. Суставы хрустели, исполняя противный звук. Организм не слушался и болел. Но я не поддался и направился к выключателю.

– Жми! – Думал я. – Давай, исполни мужество. Хватит здесь сопли пускать. И прекращай играть в игры, а то одиночество доконает тебя. Зеркало на столе, чтобы видеть пруд. Что за бред?

Я не знал, как сходят с ума люди, поэтому и не думал об этом. Мои мысли путались с прошлой информацией.

– Возможно, когда-то фильмов посмотрелся. – Думал я. – А может быть, книг начитался.

Я попытался вспомнить хотя бы одну страшную историю. Но ничего не приходило на ум. Меня никогда не цепляли глупые эмоции. И разделяя реальность и фантазию, мне не удавалось бояться мрака, или тем более теней.

Я начал давить на выключатель, словно он был сделан из толстой ржавой проволоки. Палец соскользнул, и ударился о рифленую поверхность краски на стене. Ее неровные сгустки при покраске создали маленькие иголки. Ток прошиб руку, а из глаз посыпались искры. Не столько сила укола подействовала на меня, как неожиданность.

– Да пошло оно! – Завопил я, жалея себя.

Я сжал кулак, и со всей дури шмякнул по выключателю. Свет зажегся. Пошарив глазами по комнате, я успокоился. Это было обычное, давно узнаваемое мной помещение.

Я простоял у стены, не убирая палец от выключателя, очень долгое время. До той поры, пока у меня не затекли ноги.

– Бред! – Истерично засмеялся я. – Все боятся выключить свет, а я включить. Какая тень? Что я тут увидел за долю секунды?

Один глаз испытал дискомфорт. Жжение пронизывало до мозгов. И я машинально стал тереть глаз. Чувствуя соринку, я подвинул ее к уголку глаза. Сделал несколько слабых нажимов, и посмотрел на палец. К нему прилипла ресничка.

– Ну конечно! – Сказал я, убивая себя злостью. – Тень он увидел. Идиот. Как маленький ребенок. Заведи бабу или телик из подвала достань, шизик.

Я выключил свет, и не раздеваясь, лег спать.

Первый раз за все время пребывания в этом доме, я увидел сон. Обычно я здесь спал, как убитый. Свежий воздух, запах древесины, ощущение деревенского отдыха, поглощали во мне мертвецкий сон, без ночных потусторонних блужданий. Разум в этом доме всегда отдыхал по ночам.

Но только не в этот раз.

Я находился в комнате. Мама нежно гладила меня по голове. Отец стоял у стола и смотрел в окно.

– Да хватит его тискать! – Произнес он. – Вырастет неженкой. Как не зайдешь, то зацеловываешь его, то гладишь. В нашем доме живет котенок.

– Не говори глупости, – возмутилась мама, – ребенок должен получать ласку и заботу. А ты только и знаешь, что гладишь глазами свой пруд. Он тебе, и жену, и сына заменяет. И что ты в нем нашел?

– Да вы... что? – Фыркнул отец. – Куда-то денетесь что ли. Или погибните без моей ласки? Едите и спите, никакого прока. А здесь природа. Глубина. Я в этом пруду такое вижу, что вам и не снилось. А у вас только упреки и просьбы. Не купил, не дал, не приласкал. Купи, дай, приласкай. Все, что я слышу каждый день. Как тени, ей богу. Взял бы вас, и окунул бы в этот пруд. Чтобы хоть немного любви у природы поучились.

– Совсем с ума сошел? – Закричала мама. – О какой такой любви ты говоришь? Не позорься. Вопрос на вопрос. Вот и вся твоя философия. Когда последний раз меня или сына целовал? Несешь всякий бред. Пруд, тени...

Отец выскочил из комнаты, махнув рукой. Через минуту он уже стоял у пруда, опустив в него взгляд.

– Что с ним происходит? – Спросила мама.

– Не знаю. – Ответил я. – Станный он какой-то стал после того, как на пенсию ушел. Смотрит на это пруд часами. Я его и на речку звал рыбу ловить. В город приглашал развеяться. Ни в какую.

Сон оборвался, и я открыл глаза. Солнце всю светило. Вороны бешено каркали, создавая небывалый и пронизывающий шум. Утро всегда встречало меня радостно. Но на этот раз, я испытывал беспокойство.

Я присел, и оперся о стену спиной. Голова закружилась, в глазах потемнело. Я снова прилег.

– Доигрался. – Ворчал я. – Впечатлений захотел. Зачем играть с воображением на пустой мозг?

Я начал вспоминать свое прошлое. То время, когда этот дом пах свежим срубом, новым ремонтом, и мамиными пирогами.

Она, как и папа, всегда повторяла, что не хочет стареть. Именно поэтому, они очень поздно ушли на покой. До последнего подрабатывая в разных местах на полставки.

– Где вы сейчас мои родные? – Протяжно простонал я. – Ни забот, ни хлопот. Покинули меня, и дело с концом. Раньше я хоть расстраивался из-за великих поражений. А теперь меня тени убивают. Мама, где ты теперь?

Не заметив, что увлекся воспоминаниями, я со всего размаху ударился головой о стену.

– Так тебе! – Крикнул я. – Не будешь причитать.

В голове промелькнул сон, и меня осенило.

– Не может быть! – Зашипел я, как змей. – Что за напасть? А сон был правдой! Нет, только не это. Пожалуйста!

Не было четких оснований для беспокойства, но я хныкал, как ребенок.

Я ясно вспомнил, как мы втроем общались. После чего отец вышел во двор, к пруду.

– Это точно было! – Продолжил я причитать. – И дело не в том, что это так ужасно. Просто, я забыл это. Выкинул из своей памяти, как ненужный лист. А теперь вспомнил, и все из-за того, что в этой беседе папа упомянул пруд и тени. Жалкий мозг. Глупый и подлый разум.

Я сделал словесную паузу. Но мысленно я неслился вперед.

– Я стал одиноким, – думал я, – оставил суетливую реальность за бортом. И все, что у меня осталось. Это этот дом, мои воспоминания, которые становятся размытыми. И какой-то внутренний дикий ужас.

Посмотрев в окно, я заметил, как пруд стал шире. Солнце то же, двор, как прежде. А вот именно пруд в моих глазах оказался другим.

– Все понятно! – Сказал я. – Я так живу, и другого не дано. Я не получаю впечатлений. Поэтому мой разум цепляется за каждую мелочь. Уцепился за пруд, и разгоняет эти мысли по ветру. Прилепляя к нему новые события. Тени эти глупые еще.

Я не мог связать все в единую картину, но я понимал, что эта цепочка событий, как связана между собой, так и является чистой случайностью.

Я посмотрел на пруд. Он стал прежнего размера. Но в момент успокоения, тень скользнула по комнате.

– Ай! – Визгнул я, улыбаясь.

Мне было смешно и страшно одновременно. Нельзя было описать то, что я испытывал. Но было грандиозно. Холостяк, живущий совершенно один, ни с кем не встречающийся, и долго не общающийся, превращается постепенно в безэмоциональное зомби. Я дошел до ручки. И единственное занятие, которое я для себя придумал, было зеркало. Это раскрывало мое нынешнее жалкое существование.

– А что я ожидал? – Сказал я. – Я сам хотел очиститься от прошлой грязи. Я настолько наелся уютом, что решил отказаться от него. А теперь мне становится страшно от глупых мыслей. И все, скорее всего, из-за того, что я живу в этой убогой хибаре!

Последнюю фразу я прокричал очень громко! Словно я таил всю злобу миров, а потом выпустил, чтобы поработить любовь.

– Как я смею? – Прошептал я. – Ведь это родительский дом. Как мне не стыдно? При их жизни был паршивой овцой, а точнее наглой лисой, а стал волком? Бедная родительская доля. Они вначале помогают своим детям, до самой смерти. А после их ухода, их накопленные за всю жизнь вещи начинают помогать бедолагам. Ушедшие люди – это небо, которое льет дождь на землю. Они оставляют себя в вещах, умирая.

Я плюхнулся на пол и зарыдал:

– Мои, мамочка и папочка, как же я вас люблю. Раньше я всегда прибегал к вам за помощью, когда мой путь останавливался. И вы всегда меня выручали. А теперь мне не к кому обратиться. Не к кому пойти. Ведь я и так в вашем доме, но без вас.

Во мне путались чувства. Стыд, страх, любовь, ненависть, меня съедали напрочь.

– Не буду опускаться в это сумасшествие, и пойду поковыряюсь во дворе. Так, для разнообразия. Может быть обеспечу себя овощами.

Я надел старую отцовскую одежду. Моя отшельническая жизнь убрала все лишнее из моего тела. Отец всегда был крупнее меня, но теперь его одежда висела на мне. А вот мамины галоши пришлось в пору.

– Станным образом устроен человеческий организм. – Подумал я. – Во мне уменьшается не только сало, мясо, но и кости. Если грубо об этом говорить. Нет, я серьезно это чувствую. Я бы мог подумать, что мне это показалось. Ушел вес, сошло уплотнение, лишняя вода, жир, и это такой визуальный обман. Но нет, и еще раз нет. Иначе бы, мои руки казались огромными костяшками из фильма ужасов. А я наблюдаю аккуратненькие пальчики. Можно сказать, юношеские.

Окунувшись в одиночество, меня не покидала мысль, что я исчезаю.

– Ну серьезно, – доказывал я себе, – как это еще объяснить? Нога становится все меньше и меньше. Я никогда не был толстяком. И как я буквально за год разменял два размера? Пальчики, как у мальчишки.

Все и так было понятно без слов. Но мне нужно было с кем-то общаться, избегая глухого одиночества. И тем самым, я останавливал быстрое нападение иной жизни. Да, именно, нападения. Убегая от людей, я перестал получать информацию о том, как все устроено. В мою голову больше не могли приносить чертежи мироздания. А память глючила. Теперь я имел хаотичные представления об окружающем мире. Нет, не специально. Пустые стены и я, были отличным проводником в странные фантазии. Уж они-то знали толк в запутывании разума.

Я подошел к зеркалу. Это было самое любимое мамино место. Папа притащил эту громадину с какого-то завода, где делал свой частный заказ. Зеркало долгое время стояло во дворе. А потом отца осенило. Он решил построить большую прихожую. И вся задумка вертелась вокруг этого огромного зеркала. Папа вывел углы стен, и основную стену, где должно было стоять зеркало. Мы затащили этого гиганта внутрь, построив всю остальную пристройку.

– Весело было. – Подумал я. – Мы это чертово зеркало тащили всей семьей, и еще папа друзей позвал. Ох, и гулянка потом была, когда мы его затащили. И где он его только откопал? Можно было достать несколько небольших, и собрать одно большое. Но халява родила небывалую идею. Она заставила отца построить практически еще один дом. Странная жизнь.

Я стоял и смотрел на целую зеркальную стену. Она отражала весь дом, комнату, кухню, зеркало в комнате, которое в свою очередь, отражало стол на кухне.

– Нет, нет, и еще раз нет! – Возразил я себе, еще не до конца озвучив мысль. – Я знаю к чему ты клонишь.

Наверно, общаясь с собой, я нагонял на себя жути. Я подумал об отражении пруда, которое можно увидеть здесь, в огромном зеркале, если на стол поставить зеркало. Но только не то настольное, а побольше.

Я боялся, но мне очень этого хотелось. Если честно, я был готов умереть от неизведанной жути, чем от одинокого диалога с самим собой. А он мог затянуться на десятки лет. Кто его знал, сколько я тут еще пробуду, сводя себя с ума.

– Я точно знаю, что есть более интересные мысли, чем мирские! – Сказал я. – Люди, фильмы, книги, больше не будоражат меня, поэтому я отказался от них. Но я точно уверен, что есть более интересное и проницательное. Что-то, что выходит за грань фантазии и реальности. Главное решиться.

Последние слова раскрывали людскую натуру: «Мы знаем, что все возможно, но лучше посидим в своей шкуре. Так спокойнее!»

Внутри стало жутко, хотя я ничего не сделал.

– Да, я исчезаю. – Перевел я тему, разглядывая свои тоненькие пальчики. – Я сам себя обманывал все это время. Думая, что все обстоит именно так, как мне говорили. Да, возможно пицца строитель тела, как и физические упражнения. Но это все глупости. Главное – это инфор-

мация об этом. Что воспринимаешь, то и лепится. Думаешь, что наращиваешь, берешь материал, и прибавляешь. Еда – это материал. Я – это дом.

Я снова посмотрел на огромное зеркало. Как бы я не переводил тему, оно не давало мне покоя. Оставалось только связать свои мысли воедино, и все бы сложилось. Но я пока еще побаивался. Хотя, как искушенный ребенок тянул свои ручонки в пасть к неизведанному чудовищу.

– Еда, – продолжил я, – прибавляла толщину мяса, костей. Информация приходила. Теперь все это исчезает, я якобы худею. Но на самом деле исчезает информация из меня. Я и есть – информация. Я то, что думаю. Мысли, память, это и есть я. И если я останусь пустым, то исчезну совсем, как исчезают мои родители. Пока есть я, или этот дом, или этот пруд, есть они. А что, если зеркало, или пруд, – это информация, которая не сотрется во мне, как это ветхое тело. Что, если есть то, что я боюсь открывать в себе. Может быть я зря цепляюсь за привычный мир? И мне стоит его отпустить? И познать тени, которые я видел мельком.

Я задумался.

– Я перестал видеть тени так, как видел их в детстве. – Сказал я. – Раньше они будоражили меня, и были живыми. Но теперь они обрели для меня один из слоев в Фотошопе. Телефон, экран монитора, исказили мое представление о тенях. Они стали дополнением. А вдруг это ни так. Что, если они – это живая информация? Все возможно, и я это знаю. Пища – это материал, информация. Зеркало – это источник информации. Дом – это я. Я – это тени. – Живые существа. А что, если тени, это...

Я побежал в старую баньку, которая стояла у дома. Ее топили по-черному, поэтому она была очень низкая, с маленькой дверью, и небольшим окошечком. Мы не проводили свет в баню, и всегда парились до темноты. Там и днем было темновато. Но отец нашел выход, повесил на стены зеркала. Они отражали окно и друг друга. Получалось невероятно светло.

Я влетел в баню, но оказался на спине, на полу.

– Ой! – Заорал я.

Я всегда ударялся о верхнюю жердь дверного проема, как и все члены семьи. Нет, мы все знали, и пригибали спину, опуская голову вниз. Но это не помогало. Баня по-черному рушила привычное восприятие, и мы постоянно попадались в эту ловушку. А на этот раз, я и вовсе перестарался. Согнулся так, что пол головы оставались помехой для движения. Да еще моя скорость перемещения не соответствовала аккуратному проникновению.

В общем, я оказался на полу. Адская головокружительная боль. Пульсирующая окровавленная бровь.

– Мощно сочится! – Прохрипел я, когда потрогал рукой бровь, а потом посмотрел на нее. С руки на лицо капнула капля крови. Да и вся рука была багрово-влажной.

Я попытался встать. Голова бешено кружилась. Я постарался опереться о стену, но соскользнул, прицепив смачных заноз в руку.

– Ну совсем отлично! – Улыбнулся я, умирая от боли.

Моя улыбка была искренней. Я не испытывал злости, как обычно. До этого я подыхал от скуки. И такое развитие событий, можно сказать, вдохновило меня. Наконец, в моей жизни появились приключения. Настоящие и эпические. А не те, которые заканчиваются сном, и выдуманными разговорами друзей.

– Все теперь ясно. – Подумал я. – Я начал прикасаться к старости, как и все люди. Они становятся обычными наблюдателями. Их покидает секс, путешествие, забота о других, любовь, нежность, работа, потому что это тяжело, нудно, грустно и убого. Лень отнимает все. Она убивает в нас информацию. Мы исчезаем, как наши кости.

Я засмеялся.

– Вот разбил голову, и снова ожил. Лучше бы потрахался.

Смех сотрясал стены крохотной баньки.

Я замотал голову полотенцем, издавая стон. Выбрал самое большое зеркало, и направился к выходу.

– На этот раз не обманешь меня чертова баня! – Сказал я, выползая на четвереньках, чтобы не задеть проем двери.

Выползая, я наткнулся коленом на ржавый гвоздь. Тот с удовольствием впился в мою плоть, и я шлепнулся на грудь, уронив при этом зеркало.

– Нет! – Завизжал я.

Я, как уж на сковородке выполз на траву, и посмотрел на зеркало. Оно было целым.

– Предсказуемая реальность. – Произнес я. – Всегда дает впечатления, когда их просишь.

Мне уже было не до смеха. Понимая, что вызываю ответную реакцию своим довольным видом, я нахмурился, схватил зеркало и тихонечко направился к дому.

– Приключения продолжаются! – Сказал я, когда понял, что зеркало еще нужно установить на стол.

Я открыл старый чемодан, взял из шкафа коробку с обувью, и небольшую кастрюлю, в которую навалил железных предметов для устойчивости. Выстроил пирамиду на столе, и установил зеркало.

Пришлось несколько раз бегать из прихожей в кухню, чтобы поймать точное направление отражения.

Чем я занимаюсь? – Засмеялся я, издавая совсем не радостный смех. – Но отступать уже некуда! Откажусь от этой бредовой идеи, и опять погружусь в свое бездейственное одиночество. А кто знает, может быть я прав? Может быть реальность не знает границ?

Я снял полотенце. Зашел в ванную комнату и умылся. Глаз опух. Рана посинела, придавая моему лицу страшный вид.

– Пора! – Произнес я, всматриваясь в свои глаза.

По ванной проскользнула тень. Я оторвался от зеркала и задрожал. В голове заиграла зловещая музыка, будто бы дополняя сценарий моих спутанных мыслей.

– Ничего себе. – Прошептал я. – Уже начинается. А что будет, когда я доберусь до пруда.

Мой разум настолько истосковался по событиям, что еще одна тень пробежала, только на этот раз, касаясь меня. Станный и пронизывающий холод посетил мои ноги. Они отказывались двигаться.

– Соберись! – Вырвался из меня строгий крик. – Все хорошо. И будет все отлично. Я просто проверю. А если мои фантазии окажутся правдой, то там разберемся. Если хоть что-то будет мне угрожать по-настоящему, тогда я все прекращу.

Я не верил своим словам, так как срывался в омут с головой. И виной этому была моя тихая смерть, которой я жил весь последний год. Я явно нарывался на эмоции. Не обсуждая этого, я мечтал сжечь свое сердце чувствами.

Несмотря на все опасения, я сжал кулаки и отправился в прихожую.

Теперь она показалась мне зловещим холлом из фильмов ужасов. Начиная с висков, мое тело вибрировало. А вместе с ним, дрожали стены, потолок и пол. Я настолько нагнал на себя жути, что можно было не играть с зеркалами. Но я решил идти до конца.

Стало очень темно. Пока я бегал туда-сюда, день решил спрятаться.

– Ну конечно! – Подумал я. – А как иначе? Все к этому шло. Все случается тогда, когда это необходимо.

Я понимал, что тени в дневное время, или при электрическом освещении могут напугать лишь своей внезапностью. Но вот тени в полной темноте, это совершенно другая история.

Набравшись мужества, я отключил свет.

– Вчера боялся включить, сегодня выключить. – Подумал я. – Истинное предвкушение страха, сильнее, чем сам страх!

Я ослеп. Глаза, привыкшие к свету, погрузили меня в непробиваемый мрак. Выставив руки вперед, я начал осматривать пространство. Подобно слепому, я нащупал ладонями ледящую поверхность зеркала, и остановился.

Я закрыл глаза, чтобы меня не смущали внезапные глюки от слепоты. Время встало. Кожей я ощущал малейшее движение в доме. Скрип старых полов и стен. Капли воды из крана. Стуки ветра в окна. Грохот далекой стройки многоэтажного дома, которая никогда не прекращалась.

Постепенно, шум прекратился.

– Куда все подевалось? – Подумал я, оставляя глаза закрытыми.

Стройка взяла перерыв, ветер стих, кран починился, стены и пол избавились от своей старости.

Тишина. Тяжелая и мрачная глухота.

Ничего.

– Пи! – Раздался мощный ультразвук, раздирающий мои уши.

– Аааа. – Заорал я.

Душа покинула меня, а тело забыло, как осуществлять свою жизнедеятельность. Веки намертво припаялись к глазам.

Звон в ушах не прекращался, порождая дикий шум.

– Пи! – Повторила ужасная тишина.

Голова взорвалась искрами и болью.

– Что это? – крикнул я, добавляя шум своим мозгам.

Ультразвук и мой крик соединились в одну противную мелодию. Словно лезвие ножа царапало стекло. От самого начала и до конца, снизу вверх, сверху вниз. Много раз.

– Пи-пи. – Раздалось снова.

Ватное состояние слуха, позволило мне разобрать этот звук. Шум перешел границу страха.

– Дранные мышцы! – Завопил я. – Никогда не слышал в этом доме. А тут, на тебе, появились. Именно сейчас. Пошли вон наглые уроды! Не видите, у меня сеанс чревоущания.

Я засмеялся, нелепо обвиняя себя этим смехом. Хотя мой испуг был неподдельным!

– Так, детство вернулось! – Сказал я, вспоминая свои детские страхи.

Немного успокоившись, я обратил внимание, что светлые пятна под моими веками пропали. Я привык к темноте.

– Пора открывать. – Подумал я.

Как испуганная школьница, которую прижал насильник, я начал потихоньку отворять глазки, немного прикрывая их ладонью.

Небольшая щель успокоила меня. Вокруг все было однообразно темно.

Я резко открыл глаза полностью.

Однообразная темнота оказалась небольшим черным пятном в общей темноте помещения. Похожим на летающее животное. И оно содрогнулось. А потом набросилось на меня.

Я попятился назад, позабыв, что в прихожей есть лестница из двух ступеней. Сильный грохот взорвал жуткий холл.

Я начал ощупывать тело, не разбил ли еще что себе. Все было в порядке. Более того, я до сих пор стоял на ногах. Страх внутри меня отключил разумность. И я уже не понимал, что творится. Позади меня стоял стул, который я ловко обходил, находясь в здравом уме. Но, как только я погрузился в свои глупые приключения в темноте, я тут же утратил логические мысли. Грохот падающего стула превзошел даже мышь. На этот раз я не смеялся. Мне реально было страшно, даже, когда я вспомнил про стул.

Я робко посмотрел на то место, где было летающее животное.

– Фу, ох. – Прошептал я. – Слава богу.

Тюль мирно покачивалась в кухне, а ее узор в виде цветка, отражался в зеркале тенью, похожую на животное с крыльями.

– Вот я даю. – Подумал я. – И почему именно животное, а не просто птица? Меня, по моему, съедает страх.

Я пошел в кухню и отодвинул тюль. Но в прихожую не стал возвращаться.

– С меня хватит на сегодня! – Сказал я, направляясь в спальню. – Жил себе спокойно, а тут за две ночи кишки наружу вывернул от ужаса, который сам на себя нагоняю. Довольно!

Я настолько измотал себя, что лег, и тут же заснул.

Ночь была без снов. Лишь под утро, открывая глаза, я увидел маму, она ругала отца за его пруд. Я протер глаза, они исчезли, как пропадает дождь на лобовом стекле движущегося автомобиля.

– Привет вам, родители. – Сказал я, не уподобляясь своему новому страху. – И я вам очень рад. Хоть так вас вижу, мам, пап.

Я еле поднялся. Валяясь в кровати, я не заметил, что моя голова раскалывается. Я это ощутил, когда поднялся на ноги. Меня тут же согнуло пополам. Источник – голова взрывалась, а остальное тело являлось взрывной волной.

– Блин. – Прошептал я и спустился на пол. – Меня вчера избила вся национальная лига по боксу.

Ночью страх отвлекал меня, но теперь боль обзавелась своим другом – разумом, который сразу же сыграл со мной злую шутку. Он напомнил, что у меня есть тело!

– Как же все болит! – Простонал я.

Я поднялся, собрав всю волю в кулак, и поплелся в ванную комнату. Как и в моей игре с зеркалами, я сначала закрыл глаза, а потом несмело их открыл. Передо мной была голова израненного бомжа. Одна половина, где была рана, сильно опухла, переливаясь всеми оттенками фиолетового. А другая сморщилась, как у старика. Глаза раскрывали боль и обиду на себя. Один широко сверкая, другой еле видно, из-за опухоли слезился.

– Вот, что я за придурок? – Захныкал я. – Хотя, молодец, добился своего. И это только вначале своего воображаемого пути. И что, интересно, будет дальше?

Я постарался умыться, но боль не дала мне сделать этого, как следует. Я опустил голову в ванную, и окатил себя ледяным душем. Боль, как рукой сняло, и даже больше того, я смог потрясти головой. Издавая, при этом, возгласы проснувшегося зверя.

– Так-то лучше! – Крикнул я, подбадривая себя.

Я вновь посмотрелся в зеркало, но картина не изменилась. Передо мной был по-прежнему бомж, неприятной наружности.

– Что теперь поделаться? – Прошипел я, возмущенно. – Будет мне уроком. Хотя, когда меня это останавливало?

Я вывалился из ванной комнаты, испытывая всю тяжесть борца сумо. И направился в кухню. На столе не было зеркала, оно валялось разбитым на полу. Его осколки разделили меня на сотни мелких кусков в своих крошечных отражениях.

– Как аккуратно легли лицевой стороной кверху! – Сказал я, ничего не понимая. – Как это случилось? Я ведь крепко закрепил его.

Я осмотрел стол. Пирамида из старых вещей, в роли подставки зеркала, стояла неизменно. Никаких следов движения не было. Окна были закрыты, поэтому ветер тоже исключался. Домашних животных я не имел. А мышь, которая вчера пицала, вообще, скорее всего, была моим воображением из-за страха.

Я махнул рукой, и начал убирать стекло.

– А вдруг, это какой-нибудь знак? – Подумал я. – Предупреждение, что мне не стоит продолжать, и будоражить безграничную реальность. Хотя, что за бред! Какая мне разница,

что это. Моя никчемная жизнь готовится к тихой и никому ненужной смерти. Так что, если я встречу волшебство, пусть и ужасное, то это хоть как-то разнообразит ее.

Я бросил веник, не завершив начатое, и отправился во двор.

– Помнится мне, что я хотел заняться огородом. – Произнес я, выходя из дома. – Пойду отвлекусь. А то все вертится вокруг этих гребанных зеркал.

Солнце тут же встретило меня, ослепив своим присутствием.

– Ну привет! – Обрадовался я. – Давно не виделись.

Я засмеялся.

– Так бывает в жизни никчемного и сумасшедшего мужика. Меня кто-то заточил в глухую тюрьму. И этот кто-то, сидит у меня внутри.

Я широко открыл глаза, чтобы встретить солнышко, как следует, и сразу же получил разряд тока из разбитой брови.

– Блин! – Выругался я. – Что за напасть? Горе-инвалид!

Дом стоял на отшибе. Пару соседних домов пустовали. Их жильцы покинули этот свет, как и мои родители. А их дети не решались сюда приезжать. Да я и не знал их судьбу, если честно. Я всегда был закрытым человеком, и другими также не интересовался.

– Глухое место. – Подумал я. – Неудивительно, что я сюда приехал. И дело не в том, что я растерял все свое имущество. Все шло к этому неслучайно. Здесь мой портал в неизведанность. Раз привычная жизнь стала серой.

Я подошел к запущенным грядкам. Они были похожи на один большой сорняк. На меня сразу же нахлынули воспоминания.

Мама стояла на полусогнутых и обрабатывала посаженную картошку. Ее лицо излучало ласковую радость, несмотря на тяжелый труд. Она очень любила возиться в огороде, забывая про семейные проблемы. Она всегда исполняла роль паровоза в нашем составе неудачников. Отец работал, постоянно жалуясь на свою работу, заглушая неудачи в спиртном. Я метался от дела к делу в поисках себя. Постоянно, обращаясь к ней за помощью. Она всегда скрывала свою ранимость и хрупкое женское начало, находя решения в любых трудностях. Мама была женщиной в юбке. А мы вращались вокруг нее.

– Когда вы почините мне изгородь на грядках? – Постоянно спрашивала она нас. Мы только разводили плечами, и начинали делать вид, что заняты. Я уходил в дом, тиская в руках телефон. А отец отправлялся к пруду, изображая важный мыслительный процесс.

– Но это были наши совместные дни. И они нас объединяли! – Уныло сказал я. – А теперь здесь пусто и бесхозно, как и в моей голове.

Я взял лопату и стал перекапывать грядку. Руки не слушались, а лицо искривилось от боли. Лопата, то и дело падала. И когда я старательно приложил силы, черенок сломался.

– Гнилая безделушка! – Крикнул я, испепеляя себя гневом. – Что за черт? Какого тут происходит? Все ни так и ни эдак. Я жалкий неудачник.

Не знаю, зачем я себя унижал, ведь это делало все только хуже. Мои мысли тут же погрузились в уныние.

Я присел у грядки, и слезы покатились ручьем. Мне очень стало жалко маму.

– Она должна сейчас жить, а не я! – Простонал я. – Это несправедливо! Почему земля носит такое ничтожество, как я, а маму забрала? Что я здесь делаю? Дом запущен, огород умер. А я ношусь, как и прежде, со своими надуманными фантазиями. На мир смотрю сквозь зеркала, остерегаясь теней. Я и есть самая настоящая тень! Бездарность.

Я вспомнил, как мама хотела рисовать, но так и не смогла. Слишком много забот взваливалось на ее хрупкие плечи. Мечты о творчестве всегда помогали ей жить дальше, и не прогибаться под наши мужские слезы.

– Нелепая жизнь. – Подумал я. – Стараемся, пыжимся. Накапливаем, а потом все исчезает. Просто-так!

Я понял, что съедаю себя рыдающими мыслями, поэтому, поднялся и отправился в сарай. Я искал новый черенок для лопаты, но в том хламе было сложно что-либо отыскать.

– Какие-то декоративные уточки, фонтанчик, оградка. – Сказал я. – И весь этот хлам для пруда. Что ты в нем нашел, отец? На кой черт он тебе сдался? Давно бы украсил его, и жил бы дальше, помогая маме. Если бы вы проводили больше времени друг с другом, может быть все обернулось по-другому...

Я нашел черенок, заострил его, естественно, поранив палец. Загнал его в тулейку, и засмеялся.

– Ну конечно! – Прошептал я, когда смех оборвался.

Черенок далеко вылезал за полотно.

– Кто-то там говорил, что нужно семь раз отмерить.

Я обрезал черенок, и на этот раз, все сделал правильно.

– Хоть одна радостная новость за сегодня! – Проскандировал я.

Обработав одну грядку, я присел, обливаясь потом.

– Мам, тебе цены нет! – Сказал я. – Как ты со всем этим справлялась? Это же только буйволу под силу.

В этот момент я посмотрел на пруд. Над ним застыли две тени, продолговатые и четко выраженные.

Я оцепенел, а тело задрожало.

– Меня никто и не услышит здесь, если я закричу. – Сказал я вслух.

После моих слов тени исчезли в пруду. Практически, спускаясь, как люди.

– Я схожу с ума. – Подумал я. – И мне это уже не нравится!

Не поддаваясь испугу, я поднялся и вспахал еще одну грядку. На этот раз, не проронив и капли пота.

– Так хватит. – Сказал я. – С моим нынешним аппетитом, мне и одной грядки овощей хватит.

Во мне говорила лень, но разум подтвердил, и я согласился.

– У мамы было много семян, – сказал я, направляясь в дом.

В доме был погреб, где хранились закрутки, овощи. Там также была целая комната, специально отведенная под рассаду. По вечерам мама там исполняла свой творческий порыв, ухаживая за маленькими растениями.

– Целый инкубатор, – подумал я.

На полках стояли горшочки с рассадой, они превратились в настоящие грядки.

– Сколько времени прошло, а они тут растут сами по себе. Мамина сила до сих пор здесь живет!

Отец, в свое время, нашел в себе мудрость, и смастерил автоматический капельный полив, который поддерживал здесь жизнь. А автомат с ультрафиолетовым светом до сих пор работал. Исполняя свою функцию, как часики.

– А я об этом и не знал. – Сказал я, удивленно. – Вот почему счетчик мотает электричество, когда весь дом спит мертвым сном!

Я подошел к полкам, и взял один горшок. Из темного угла вырвалась тень, и направилась ко мне. Я уронил горшок и отпрыгнул назад. Тень шмыгнула через лестницу в проем люка.

– Почему ты убегаешь? – Заорал я. – Я боюсь не меньше твоего. Остаешься! Расскажи, кто ты?

Тень не вернулась. Теперь любопытство брало верх надо мной. Страх отступил. Возможно, это случилось из-за того, что я начал постоянно наблюдать живые тени в этом доме. И это стало привычкой.

– Мы, как стеснительные соседи, – засмеялся я.

Я набрал рассады, захватил семян, и вылез из погреба.

До самого вечера я возился в огороде. Получалось неловко, но я все-таки справился. Неровные ряды украшали мои грядки. Вначале я осторожничал, старался, а в конце свалил все в одну кучу.

– И так все взойдет! – Прошипел я. – Меньше стараний, больше листва!

Окатив себя ледяной водой из бочки, я посмотрел на пруд.

– Что ты скрываешь водный проектор? – Спросил я. – Что ты хочешь мне сказать? И кого выпустил? Они теперь носятся здесь повсюду.

Я задумался.

– Мне нельзя отпускать свои фантазии и чувства. – Подумал я. – Иначе тени станут обычными, и меня поглотит привычная серая реальность. Пусть меня испепеляет страх, но я снова чувствую. Я ощущаю себя живым. И мне нужно докопаться до правды. А вдруг все в этом мире возможно!

Я подумал про родителей. И про то, что, когда они есть, о них не думаешь. А когда они исчезают, стараешься зацепиться за любую мысль о них.

– Странный и глупый мир! – Сказал я, глядя на небо.

Стало смеркаться.

– Пойду готовиться, – подумал я, – ничего не поделаешь, но это необходимо!

Я забрался в баню на четвереньках, достал еще одно зеркало, и пошел в дом.

Пока я убирал битое стекло, я задавался вопросом: «Почему именно зеркало?».

– Потому что я часто смотрел на этот пруд, и ничего не происходило! – Ответил я сам себе. – Отражения открыли какую-то дверь. Я ничего еще не знаю. Но это так! Не хочу думать, что это мое воображение, уподобляясь страху. Мне нужна эта загадочная реальность. Я хочу вернуть родителей. И даже, если это не они, то может быть те сущности, которые их знают. Ничего пока не понимаю, но своего добьюсь!

Я установил зеркало на стол, наладив точный вектор отражения пруда. Вскипятил себе душистого чая, и стал ждать ночи.

Чай оказался настолько бодрящим, что измотал мой разум. Я мирно уснул.

– Как приятно! – Прошептал я, когда мама погладила меня по голове.

Я открыл глаза, надо мной стояла черная, как уголь тень. Я свалился со стула от неожиданности. Тень исчезла.

– Стой! – Крикнул я. – Может быть ты не хочешь, чтобы я боялся, поэтому все время убегаешь. Так это временно. Я исправлюсь. Просто-напросто мне еще непривычно и боязно.

Реакции не последовало. Лишь глухая темнота заполняла кухню. Я собрался с духом, и пошел в прихожую.

Нащупав зеркальную поверхность, я стал всматриваться в нее. Ночь оказалась на редкость темной. Ни малейшего отблеска света, ничего. Глаза даже стали закрываться от ощущения сонливости. Я простоял так целую вечность.

– Ну, где же ты? – Обратился я к пруду. – Почему не появляешься?

Всматриваясь в безликую темноту, я заметил, что одна ее часть стала отделяться, изображая объемную поверхность. Она шевелилась внутри себя, исполняя покачивания.

Вдруг, я узрел слабый отблеск. Он прокатился по неровной полосе, и скользнул вглубь темного пятна. На его месте появился еще один. Потом еще, и еще.

– Это же волны! – Обрадовался я.

Я понял, что в крошечной темноте смог разглядеть волнистую поверхность пруда. И это было не случайно. Я слышал, как ветер бил по окну. Он и создавал волны.

Сильная концентрация позволила моим зрачкам создать зеркальную поверхность. Которая, как и в тот раз, воспроизвела свечение далекой луны. Ее не было видно, но каким-то образом она отражалась в моих глазах. Вырываясь наружу, и освещая комнаты дома, и пруд снаружи.

Теперь я четко видел темные воды пруда. Это смотрелось грандиозно. В крошечной темноте я узрел абсолютно все. Черный цвет разделился на множество оттенков, рисуя силуэты моего видения.

– Я вижу тебя! – Прошептал я. – Ты мой портал в сказку!

Я словно отделился от своего тела, и смог наблюдать за собой. За тем, как таращу глаза. Как создаю многогранный путь отражений. Я видел дом, сад, пруд, и себя одновременно.

Отпустив все мысли, я погрузился в пруд. Он раскрыл свои темные объятия. И показал мне чьи-то глаза. Их зрачки сочлились черной смолой. Они отражали дом, сад, пруд, и меня одновременно.

– Не может быть! – Прошептал я. – Я вижу свои глаза в отражении темной воды. Как такое возможно? Мой взор заикнулся внутри себя!

Я уже не понимал, где нахожусь. То ли в прихожей у зеркала, то ли в пруду. На любом этапе всего вектора отражения виднелись мои черные зрачки.

Сконцентрировавшись еще сильнее, я погрузился в свои же глаза. Внутри было пусто и темно. Но немного погодя, я понял, что и в этой черноте вижу отдельные силуэты. Темнота показывала мне дом, точно такой же, в котором я находился. Только по ту сторону видения. Дом стоял в черных водах пруда.

Мне стало не по себе. Легкий страх охватил мой разум. Я не боялся сильно, но так меня встречала неизведанность.

Я увидел, как дверь темного дома отворилась. И оттуда выскользнула черная тень. Она встала на месте. И мне даже показалось, что я разглядел ее чернеющие очи.

Ко мне пришло понимание, что тень смотрела в мои глаза!

Она резко шевельнулась в сторону, и дернулась в мою сторону. Мгновение ока, и она уже стояла передо мной, разделяя меня и зеркало. Я повторился, и попятился назад. Сильный грохот вновь взорвал дом. Только на этот раз, я упал, а не стул. Я убрал его еще днем.

– Аааа! – Заорал я, ударившись локтем.

В эту же секунду бровь напомнила о себе, дополняя ощущения в топку моего испуга. Теперь я валялся и корчился от боли, не зная, за что схватиться, за локоть, или же за бровь.

Я вскочил и включил свет.

– На сегодня сеанс окончен! – Крикнул я. – Пока я себя не угробил, так и не отыскав правды.

Не выключая свет, я направился в спальню. Накрылся с головой одеялом, и свернулся калачиком. Испытав сильный стресс, я опять быстро отрубился.

Родители стояли в кухне, и о чем-то мирно беседовали. Я подошел поближе, не высовываясь, и начал слушать.

– Красивый у нас дом, и садик превосходный! – Сказала мама.

– Полностью с тобой согласен, – ответил папа, – сам не могу нарадоваться.

– Чего-то не хватает в саду. – Загадочно сказала мама.

– Да вроде бы все в порядке. – Отозвался отец.

– Было бы здорово, если бы у нас появился небольшой прудик. – Заискивающе сказала мама.

– Ты так думаешь? – Спросил папа. – Нелегкая задача, но ради тебя, я на все согласен!

Я проснулся и резко открыл глаза. На улице шел дождь. Он лил слезы по кому-то, да так яростно, что залил весь сад, подняв воды пруда.

– Унылая погода. – Подумал я. – Можно еще поваляться в кровати. Такое нежное настроение. И сон был хорошим.

Меня затрясло, словно я получил разряд тока.

– Сон! – Воскликнул я. – В нем не было пруда. И мама просила папу вырыть его.

Я начал перелистывать страницы своей памяти, пока не наткнулся на момент, когда мы въехали в этот дом. Я был еще совсем маленьким.

– Естественно! – Закричал я. – Как я мог забыть? Пруда не было. Он появился после нашего вселения. Значит папа действительно его вырыл. Это его рукотворное творение. Вот почему он так пристально на него смотрел! Но почему мама так его не любила? Ведь, она сама хотела этот пруд!

Я не знал ответа. На этом моя память предательски обрывалась.

– Я вспомню, обязательно вспомню! – Подумал я, оставив этот вопрос на потом.

Голова затрещала по швам. Бровь вновь напомнила о себе. Опухоль спала, я это чувствовал, но боль не покидала меня. Особенно после того, как я испытал бурные чувства от увиденного сна.

– Нужно успокоиться. – Уговаривал я себя. – Все мое время! Я не смогу сейчас вспомнить. В голове одна темная дыра. И из нее дует сквозняк времени. Раз я получаю воспоминания маленькими порциями, значит я все постепенно узнаю!

Я вышел во двор. Дождь хлестал, как из шланга.

– Мои грядки! – Простонал я.

Вся моя рассада была покрыта водным покровом.

– Одна сплошная лужа! – Крикнул я, испытывая злость. – Что за черт сидит на небе? Бесстыжий и наглый засранец!

Я зашел под навес, чтобы не промокнуть окончательно, хотя меня можно было выжимать.

– Надеюсь, в вас мамина сила! – Обратился я к саженцам. – Потерпите немножко, как терпела мама. А потом выглянет солнышко, оно вас обогреет. Потерпите!

Я быстрым шагом сходил в поленницу, взял дров, и отправился в баню.

– Ну раз такое дело, то устроим сегодня баньку. – Сказал я, разжигая огонь. – Последний раз, я парился здесь с папой.

После смерти родителей я не мог находиться в этом доме. И уж тем более, не думал, что буду здесь жить. Постепенно, я стал обживать. И руки дошли до бани.

– Нужно отремонтировать эту малютку! – Сказал я, осмотрев покосившуюся деревянную старушку. – Древняя наверно, раз таких размеров, да еще и по-черному.

Я натаскал воды, подкинул дров, и из трубы повалил черный дым. Затем копоть стала пробираться сквозь дверь и окно.

Дверь не буду делать выше. – Подумал я. – Все-таки память! Лучше буду аккуратнее.

Улыбка раздирала мой рот.

Я зашел в дом и уселся у окна на кухне. На сердце стало тепло, несмотря на холодную погоду. Я вспомнил, как мы любили с мамой вот так сидеть и наблюдать за дождем. Я взял плед, которым меня накрывала мама, и заварил чай.

Слабая струйка пара растворялась в пустом пространстве. Чай доносил аромат шиповника, будоража мое восприятие. Я слегка дул на кипяток, делал глоток, и смотрел на дождь. Маленькие капельки торопливо скатывались вниз по стеклу. Каждая капля отражала пруд. Он никак не давал мне покоя. И я замер напрочь. Даже не слышал стук своего сердца. Дыхание тоже пропало. Я смотрел и смотрел, пока в глазах не потемнело. Оставались видны лишь некоторые капли, которые четко отражали пруд.

Его темные воды проглатывали меня целиком. Но я не видел в нем своих глаз, теней, или что еще. Только черная вода поглощала мой взор.

– Странно! Как действует отражение зеркала? – Подумал я. – Почему такой эффект? Что-то есть бесовское в этих зеркалах. Не зря люди выискивают в отражениях потустороннее. И кто его знает, насколько правдивы отражения. Иногда глаза врут, а тут отражение. И чего? Реальности? Фантазии?

Вопросы стали поглощать мой разум, и я растворился в них.

Двор заполнился дымом, и я понял, что самое время проветрить. Баня была готова.

Я взял чистое белье, полотенце, и быстрым шагом направился в баню. Открыл дверь, и понял, что поторопился с бельем. Открыв дверь, на меня упал плотный слой дыма. Он чуть ли не свалил меня с ног. Я оставил дверь открытой, закинул внутрь белье, и побежал к пруду.

– Привет папино детище. – Произнес я, опустив взор в пруд. – Как все неожиданно открывается. Что есть наша память? Насколько она правдива? Вдруг я переписываю историю своими зеркальными впечатлениями. И этого ничего не было. А пруд стоял здесь и до нашего вселения. Если так, то я никогда не узнаю правды.

Я задумался.

– И пусть! – Сказал я. – Мне не правда нужна, а встреча с родителями. И я добыю своего. Просто, пока еще не знаю, как это все будет происходить.

Я смотрел на воду, но она ничего не показывала. Лишь частые разводы от капель дождя, расходились от центра к краям.

– Красиво, но пусто! – Подумал я.

Я посмотрел на баню, она перестала дымить. И я побежал париться.

Копоть окрашивала всю внутреннюю часть бани. Черный интерьер устрасал.

– Нет света, вообще! – Произнес я. – Я же лишил баню двух зеркал. Нет отражения, нет света.

Я задумался.

– Нет отражения, нет теней! – Воскликнул я. – Нет отражения, нет прохода. Нет общения с неизведанным. Возможно, необходимо некое преломление восприятия. И зеркала помогают в этом. Мне не понять всех тайн разума, но эта очевидна!

Я сходил в дом и нашел пару свечей.

Небольшое помещение засияло. Двух огоньков было достаточно. Да и окно дарило солнце. Его недостатком, был размер. Окно можно было закрыть тремя ладонями.

Жар стоял невыносимый. Я постоянно обливался холодной водой. Одно из зеркал, показывало лишь темноту. Я удивился и плеснул на него из ковша. Что-то большое и черное тут же отбежало от него. Я испугался. В зеркале появилось отражение. Я осмотрел баню. Никого.

Было жутко, но мне хотелось еще. Я подошел поближе к печке и закрыл глаза. Когда температура тела стала зашкаливать. Я повторил процедуру с обмыванием. И резко посмотрел на зеркало. Оно не имело отражения. Я схватил свечу и осветил. Вместо отражения, на меня смотрело огромное неразборчивое тело. Пламя свечи плясало, и очерчивало силуэты тени, которая стояла в зеркале. Черное чудовище напоминало человека. Он постоянно дергался, искажаясь с движением пламени.

Увиденное, и мощный жар, перевернули мой разум с ног на голову. Я не выдержал и выбежал во двор.

Окунувшись в бочку с холодной водой, я пришел в себя. Но не спешил возвращаться.

– Очень быстрое развитие событий! – Взмолился я, словно не ожидал этого. – Зеркало, свеча, довольно все банально. Может быть, я когда-то, чего-то насмотрелся. И теперь моя память вторит эти события. Не так я себе представлял магию. Я думал она исходит изнутри. Из самого человека, а не из свечек и зеркал. Хотя... Атрибутика важна, наверно. Так она объясняет волшебство, дополняя его посредниками восприятия.

Я вернулся, не забывая про осторожный шаг. Аккуратно посмотрел на зеркало, оно имело лишь отражение бани.

– Здесь довольно жарко, – подумал я, – и не проверишь, естественное это было видение, или же это кипели мозги. Повторю эту процедуру дома, сегодня ночью.

Я потерял ручки, словно обрадовался этому. Хотя внутри все дрожало от страха. Быстро помылся, и пошел в дом, прихватив с собой свечки.

День оказался длинным. Я ничего не мог делать, как только ждать. Идея теней заняла весь мой разум. Я даже забыл, когда последний раз ел или ходил в туалет. Моя жизнь превратилась в сюжет фантастического фильма, где не было главных ролей. Я и сам не знал кто я, персонаж, актер, живой человек, или же плод своего, а возможно, чужого воображения.

Мои глаза ловили лишь пруд в окне и зеркала. Остального пространства не существовало. Весь мир превратился в безликую серую массу. Не знаю, мог ли я тогда вспомнить свое прошлое, настоящее. Кем являлся, и о чем мечтал. Цель зачеркивала сам путь. Я не жил днем, а лишь исполнял привычные действия. Для меня была важна ночь, которая меня сильно пугала, при этом.

Иногда, мне казалось, что мои глаза видели все в двухмерном изображении. И на этом фоне, пруд с зеркалами являлись объемной жизнью. Отдельной, и достойной для моего внимания.

– Смогу ли я выбраться из подобной реальности? – Спрашивал я сам себя. – Вдруг я давно нахожусь в психушке, и мне это все, кажется, под действием лекарств? Неужели я так возненавидел обычную человеческую жизнь? Люди остаются одни, но они как-то живут. И создают новый мир внутри этого.

Я успокаивал себя лишь тем, что меня ждет неизведанное, и что-то прекрасное. Пусть не встреча с родителями, или обретение себя нормального. Но хотя бы, малейшее волшебство. Привычный мир перестал двигать меня дальше. Я застрял в одной поре, и она длилась целую вечность.

Наступили сумерки. Я тут же вскочил, и начал поправлять зеркало на столе, чтобы отражение в большом зеркале точно смотрело на пруд. Зажег свечи и поставил в прихожей, чтобы наверняка не упустить момент.

Солнце скрылось за горизонтом, и вызвало пробуждение быстрых теней. Они слонялись по дому, раздражая меня.

– Пошли вон! – Орал я. – Вы мне здесь не нужны, жалкие клоны. Темные куски интерьера. Убирайтесь! Из-за вас я ничего не вижу.

Голова шла кругом, нервы накалялись. Меня уже не заботил страх. Хотелось пойти и утопиться в том самом чертовом пруду. Я понимал, что мог прекратить это сумасшествие, но это было не в моих силах. Любопытство взяло верх надо мной!

Я встал, как вкопанный перед зеркалом в прихожей, и стал ждать прозрения. Сильная концентрация пожирала мои глаза. Я чувствовал, как капилляры лопались, превращая глаза в красные шары. Голова болела, хотя бровь я больше не чувствовал. Старая боль исчезла, осталась лишь новая, от напряжения.

Секунды превращались в минуты, а минуты в часы. Этот миг не старался закончиться. Как бы я не концентрировался, ничего не происходило. Реальность противилась мне, испепеляя мою цель. Но я ее ясно видел. Все миры разрушились, я ждал встречи с тенями.

Черное отражение содрогнулось. Темное видение стало расслаиваться на оттенки темного. Появились силуэты, неразборчивые, но они точно прослеживались.

Я увидел в зеркале пруд. Он, как грозное облако ожил, исполняясь движением по горизонтали. Его отдельные пучки переливались темными волнами.

В одно мгновение я увидел отражение пруда в зеркале на столе, отражение настольного зеркала в большом зеркале прихожей, отражение большого зеркала в своих черных зрачках. Пруд отражал мои глаза, а глаза отражали пруд.

Цепь видений замкнулась.

Я видел темные глубины пруда, и ощущал их водную прохладу. Стихия открыла свои объятия, в них появился черный дом. На этот раз, не отражение родительского дома, а отдельно живущая сущность потустороннего мира. Я знал, что наши миры параллельны также, как и еди-нородны.

Двери черного дома слегка отворились, и на пороге показалась тень, не очень внятная, но читаемая. Она стояла неподвижно, ожидая чего-то. Дверь открылась шире, и появилась вторая тень, побольше первой.

Пламя свечи колыхнулось, и тени обрели знакомые силуэты, немного схожие с человеческими.

– Огонь свечи дополняет картину! – Подумал я.

Я взял свечку и приблизил ее к зеркалу. Черный дом и тени исполнились живым объемом. У теней появились отдельные части теневых тел.

Огонь свечи замер, а с ним замерло все в пруду. Движения прекратились.

Я дунул на огонь, и картинка вновь ожила. Темные воды пруда заволновались. Из трубы дома теней пошел дым. А тени похожие на людей сделали шаг вниз по теневой лестнице.

Пламя вновь замерло. Пруд застыл на месте, а с ним и тени.

Меня знобило и трясло, но я набрался мужества и открыл окно. В прихожую ворвался ветерок, он подхватил пламя свечи и стал его таскать по сторонам. Движения в пруду возобновились.

Я усилил концентрацию внимания, и узрел, как тени отошли от черного дома, и подошли к темному пятну. Оно напоминало наш пруд во дворе. Тени двигали своими головами и конечностями. Я понял, что они общаются.

Мой страх смешался с любопытством, это позволило мне смотреть, не отрываясь.

Черное пятно в виде пруда, то исчезало, то появлялось. Одна тень показывала другой на исчезновение темного пруда.

– Ничего не разобрать. – Сказал я, нахмутив брови.

Ветер усилился, и вторая свеча, которая стояла на подоконнике капнула воском. От чего ее пламя колыхнулось. Это отразилось в настольном зеркале, и тени получили более детальные и объемные силуэты. Я даже увидел четкие черты лиц теней. Четкие в том плане, что это точно были лица. А кого, было непонятно. Пламя свечи на подоконнике замерло, черты теневых лиц пропали.

– Нужно поставить свечу у настольного зеркала, – подумал я, – тогда я смогу разглядеть, кто это.

Я схватил свечу и отнес ее в кухню, оставив на столе у зеркала, я вернулся обратно в прихожую.

Посмотрел в большое зеркало, тени исчезли. Не было и черного дома. Я наблюдал, как растворялось темное пятно, похожее на пруд. Мои глаза увидели вакуумную черноту.

– Что за черт? – Заорал я. – Куда все подевалось?

Я испытал такой сильный гнев, что закатил глаза. А когда я вернул их в привычное состояние, меня и зеркало разделяла плотная огромная тень. Я так испугался, что снова свалился с лестницы.

На некоторое время я потерял сознание. Удар пришелся, естественно, на раненую бровь. Когда я открыл глаза, то ощутил небывалую слабость. И я вновь отключился.

Ночь я провел в прихожей, наблюдая разные сны.

Первый был очень светлый, но постоянно повторяющийся. Я был ребенком, который быстро вырос, и исчезал куда-то. Раз за разом, регулярно. Снова и снова. Я делал одни и те же движения. Говорил однотипные слова. Излучал одинаковые мысли. Мои чувства были похожими. Я совершал однообразные взлеты и падения. Падал и вставал, вставал и падал. Мои жилища имели одинаковую форму, отличаясь лишь своим размером. Я шлепал по лужам, купался в пруде, тонул в море, переплывал океан, и при этом, вода являлась только водой. А бесчисленные люди и жизни были мной одним. В этом сне присутствовали и тени. Но они проявлялись слабыми отголосками сна. Поэтому не имели никакой информации.

Второй сон рассказывал о тенях. Все было черным и мрачным. Темным и пустым. Они перемещались, что-то делали, по-моему, общались. Все тени появлялись из одной, и исчезали в одну большую тень. Этот сон походил на первый, но в нем не было света.

Третий сон объединил первый и второй. Все тоже самое, только тени растворялись в людях, а люди в тенях.

Последний сон меня порадовал больше. Я увидел маму и папу. Они часто общались, целовались, обнимались. Я чувствовал их любовь, она излучала непомерное счастье. Они друг друга постоянно о чем-то просили, выполняли просьбы, и радовались этому. Общие дела их сближали. Они много путешествовали, перемещались, меняли свои наряды, компании. События все время переворачивались с ног на голову. Все было таким хаотичным, но очень живым!

Я увидел кадры покупки дома, появления пруда. После этого появились тени, и сон оборвался.

– Моя голова! – Простонал я, когда проснулся. – Я досмотрю когда-нибудь этот сон, или погибну на этой лестнице? Я всегда был сконцентрированным. Откуда эта неуклюжесть? Почему тени начинают мне открываться, но как только я отвлекаюсь, они тут же пугают меня до смерти?

Что вообще происходит? Я, как мои родители в моем сне. Пока в моей жизни есть хаос, я живу, но при этом, испытываю не только счастье, но и боль. Как только я успокаиваюсь, я исчезаю, как тень в пустом пространстве. Что за неразбериха? Эти тени, это мои родители, или же отголоски всех людей? Кто мне ответит, если я заканчиваю это странное общение лежа на полу?

Я еле поднялся, и побрел в ванную комнату. Набрал горячей воды, и окунулся с головой. Сколько я пролежал в неподвижном состоянии, я не знаю. Но я изрядно успел свариться. Мои вены пульсировали, кровь бурлила, надеясь взорваться фонтаном. Душа пыталась выскочить.

Я выпрыгнул из дома и нырнул в бочку с ледяной водой.

– Всем стоять! – Заорал я, обращаясь к организму – Никому не двигаться! Я в норме, просто даю вам встряску. Хорош хандрить. У меня есть цель! И я осуществлю ее!

Первый раз за долгое время, ко мне пришла человеческая мысль, подкрепленная стыдом:

– Хорошо, что дом в такой глухомани находится! Что бы подумали соседи, наблюдая за моим самолечением души?

Я рассмеялся. Смех был признаком того, что я пришел в норму. Мне полегчало. Голова прошла. Организм стал функционировать, как надо.

Заварив травяной чай без сахара, я вышел во двор к грядкам.

– Дубль два! – Вырвалась из меня ирония.

Погода стояла шикарная. Небо было прозрачно голубым. Солнце светило так, будто бы всех кочегаров вызвали из отпуска. Зелень налилась соком и ярким цветом.

– Ох и загар сегодня получится! – Порадовался я. – Буду ходить бронзовым. Отправлюсь в потустороннее путешествие загорелым. Как все нормальные люди, которые посещают солярий перед отпуском.

Я закатился смехом.

– Ну что мои хорошие, есть все-таки в вас мамина сила? – Спросил я у саженцев на грядке. – Я знал. Я верил, что вы меня не подведете!

Рассада жадно поглощала солнце. Появились первые ростки, окутанные ласково-зеленым покровом. Ее прожилки пульсировали, как и мои вены. Излучая жизнь и напор.

Я взял лейку и полил грядки. Прибрался во дворе. Починил входную дверь дома, калитку двора. Отремонтировал беседку. И присел любоваться природой.

Весь день я трудился с удовольствием, а не потому, что так нужно. Я отвлекся от своего угнетающего уныния. От предстоящего похода в неизведанное. Я знал, что мой дом там, где я.

Поэтому меня не волновало, вернусь ли я, или нет. Я наслаждался сегодняшним днем! И мне это очень нравилось.

Тени не беспокоили меня, словно знали, что сейчас не до них. Их теневой разум существовал лишь тогда, когда я на него обращал свое внимание. Весь мир так вращался. Он был таковым, каким я его себе представлял. И никак иначе!

Я вспоминал маму и папу, их жизнь в этом доме. Наше общее счастье. Все здесь напоминало о них. Статная вишня, скромная груша, пышная яблоня, колючая малина, густой крыжовник, и даже заросшая клубника, пробивающаяся сквозь сорняк.

Чудо, но и любимые мамины цветы, они росли повсюду. Такие же красочные и сочные. Яркие, разные, восхитительные!

– Как я раньше этого не замечал? – Подумал я. – Откуда все здесь взялось? Совершенно недавно, я видел здесь только серость. Невероятная реальность! Она вторит разуму и его настроению.

Ветерок стал прохладным, я понял, что вечерет. Молча поднявшись, я побрел в дом. Открыл везде окна, поставил свечи около зеркал, проверил отражения. Сколотил тумбу под лестничный проем в прихожей, чтобы больше не падать. Заварил чай, и стал ждать ночи.

На небе был алый закат. Багровые тучи отражались в зеркалах, усыпав весь дом красными розами. Я мирно сидел, попивал чай с листьями малины и шиповником. Мой взор нежно ласкал разум, который в последнее время слетел с катушек. Все восстановилось. Я пришел в свой мирный баланс. Дом благоухал садом, а сад приносил ароматы цветов и молодой зелени. Гармония царила во мне.

Я бы мог отпустить маму и папу, как советуют все те, кто боится чувств. Но у меня была иная цель. Системный и привычный мир мне надоел. Я не понимал больше этих глупых функций, когда выживание – это размер ямы, которую ты вырыл на работе. Меня так научили, и я не жаловался. Но с меня было довольно. А здесь, в этом пустом и ветхом доме, я получил второй шанс. Вновь обрести сумасшедшую голову подростка. Которая утаскивала меня за тенью. Как бы я не бился головой, не убивался страхом, я получил новый опыт. То волшебство, что делало меня вновь живым. Именно об этом я мечтал всю жизнь. Я всегда хотел приключений.

– Мне выпал случай оторваться от жратвы, телика и сплетней, и я его не упущу! – Думал я, мирно засыпая.

Что-то среднее, между сном и явью посетило меня.

Я находился в своем дворе, доме. Каждая деталь была такой же, только с одним отличием, вся материя была выполнена из легкой прозрачной ткани. Что-то схожее с тенью, только цветной. Что удивительно, я был сотворен из того же материала. Все мое тело весило не больше пяти граммов, если не меньше, хотя смотрелось очень прочно и объемно. Я сливался с общим пространством дома и сада, и в тоже время, имел свою собственную жизнь, свои очертания, силуэты, движения. Земля была более плотной, чем я, или предметы на ней. Плотнее дома и сада. Она походила на огромный склад легких разноцветных тканей, которые сваливали сюда множество веков. Иногда, ткани забирали, в основном, верхние слои. И тогда предметов становилось больше. Появлялись новые люди из кисеи, дома, и даже высоченные горы. Мне нравился вуалевый мир. – Мир разноцветной дымки. Все здесь было очень простым и легким. Ткани появлялись, уплотнялись, потом утончались и исчезали. Самое, что интересное, сколько бы не было слоев нежной ткани, каждый слой было видно. Это говорило о чуткости этого мира, и не жадности. Мир был, как наш, но он не замерзал, и ему не было жарко. Он об этом не хотел думать. Ему просто нравилось наряжаться в легкие ткани.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.